

Георгий Францевич Дебеч написал и опубликовал около 200 научных работ. Я не ставил себе целью не только разобрать их научное содержание, но даже и перечислить их. Это невозможно в рамках маленькой юбилейной статьи. Но как-то я спросил у Георгия Францевича: «Как Вы пришли к антропологии?» И он мне ответил, что в детстве очень любил все классифицировать. Сначала классифицировал греческие фаланги, потом стал классифицировать людей, да на этом и остановился на всю жизнь. Ну что ж, будем считать, что антропологической науке очень повезло и пожелаем дорогому юбиляру счастья, многих лет жизни и вечной творческой молодости.

И. И. Гохман

**СЕССИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ИТОГАМ НАУЧНОЙ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЫ
1964—1965 гг.**

30 сентября — 1 октября 1965 г. в Москве в Музее народного искусства проходила традиционная сессия Ученого совета Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) по итогам проведенных экспедиционных исследований 1964—1965 гг. В ее работе участвовали научные сотрудники Московского государственного университета, Всесоюзного института ассортимента легкой промышленности, Института этнографии АН СССР, Академии художеств, Института истории искусств Министерства культуры СССР и музеев Москвы, Ленинграда, Загорска.

На сессии было заслушано и обсуждено восемь докладов сотрудников НИИХП. Н. С. Королева рассказала о народном искусстве финно-угорского населения Северного и Среднего Урала (по материалам экспедиций 1963—1965 гг.). И. П. Работникова на основе тщательного сравнительного анализа орнаментальных мотивов северных вышивок показала наличие в них славянских и угро-финских элементов.

В. М. Вишневская выступила с докладом «Об итогах сбора материала в Пудожском районе Карельской ССР». Сбор материала проводился небольшим отрядом (В. М. Вишневская и художники Л. А. Кожевникова и И. П. Вьюев) по маршруту: Петрозаводск, Олонец, Кондопога, Медвежьегорск, Пудож, Кижы. Особое внимание было обращено на группу селений: Авдеево, Мелентьево, Октябрьское, Алексеевское, Кильнота, Бураково и рыбацкий поселок Марнаволок на восточном побережье Онежского озера.

В Пудожском районе отряд продолжил ранее начатое Институтом изучение оригинального очага народной декоративной живописи, получившей распространение в XVII—XIX вв. на территории Заонежья, Прионежья, побережья Онеги, Северной Двины, Вычегды, Сухоны, окрестностей Кенозера, Каргополя, Белозерска и др. В. М. Вишневская отметила, что распространение этих росписей на Севере совпадает с направлением торговых путей новгородцев, а художественный стиль росписи связан с традицией живописного растительного орнамента Древней Руси, сохранившейся в монументальной живописи и рукописной миниатюре. На Севере живопись получила распространение в декорировке предметов народного быта, являясь более поздним звеном в развитии глубокой национальной традиции русского растительного живописного орнамента. Местами еще сохранились интерьеры с расписными перегородками, расписная мебель, сундуки, прялки. В. М. Вишневская анализировала роспись привезенных прялок. Докладчица подчеркнула, что Пудожский район является одним из своеобразных и ценных очагов русской художественной культуры на Севере и требует дальнейшего углубленного изучения. Доклад В. М. Вишневской был дополнен Л. А. Кожевноковой, выступившей с содокладом «Ткачество и вышивка Заонежья».

Искусству народов Северного Кавказа — чеченцев, ингушей, осетин, ногайцев посвятил свой доклад художник Д. А. Чирков, собравший во время неоднократных поездок большой и интересный материал по орнаменту, бытовому интерьеру и различным предметам быта. Д. А. Чирков отметил, что в труднодоступных горных аулах лучше сохранились элементы раннего, дохристианского орнамента, имеющего у всех исследуемых народов много общего. В районах же, где проходили торговые пути, можно наблюдать орнамент, близкий к грузинскому и персидскому. В степных районах, у ногайцев, встречается орнамент, напоминающий калмыцкий (на поясах, застежках, подвесках). Сложность орнамента в ряде районов докладчик объясняет культурным взаимодействием народов. Однако орнамент у чеченцев, ингушей, осетин, ногайцев имеет свои специфические черты: его, подчеркивает Д. А. Чирков, всегда можно отличить от орнамента других кавказских народов.

Докладчик подробно охарактеризовал интерьеры ранних жилищ и отдельные предметы быта, которые еще сохранились в аулах, но разрушаются в связи с реконструкци-

ей последних, с новым строительством. В ряде случаев разрушаемые жилища, старинные предметы быта, утварь являются образцами подлинного народного мастерства.

Н. И. Каплан рассказала об итогах экспедиции в Красноярский край (1964—1965 гг.), к эвенкам Эвенкийского и Таймырского национальных округов (1964 г.), к долганам и нганасанам (1965 г.). В Красноярском крае были приобретены для Музея современные одежда, меховые коврики, изделия из бересты и другие предметы домашнего ремесла.

Т. Ф. Исаева сообщила о сборе материалов у тюркских народов Поволжья (татар, башкир, чувашей). Экспедиция в Поволжье, как и экспедиция в Красноярский край ставила своей целью не только сбор материалов по современному национальному орнаменту, но и оказание методической помощи в развитии художественных промыслов. Доклады Н. И. Каплан и Т. Ф. Исаевой иллюстрировались рисунками, фотографиями, диапозитивами.

Е. Н. Хохлова доложила о результатах экспедиции в Ставропольский край. В течение месяца экспедиция в составе четырех человек занималась выявлением местных традиций по народному искусству. В Ставропольском крае расположена известная здравница «Кавказские минеральные воды». Это во многом определило направление промыслов, выпускающих в большом количестве разнообразные сувениры. К сожалению, изделия этих промыслов в большинстве своем антихудожественны и не имеют ничего общего с подлинным народным искусством. Между тем в крае издавна развита художественная культура: археологические раскопки дали совершенную по форме и мастерству черную лощеную керамику. И сейчас много своеобразных и ценных изделий можно найти, например, в карачаевских аулах. Подлинными произведениями искусства являются красочные карачаевские ковры (паласы и войлоки). В современном интерьере сельского и городского дома карачаевские ковры могут быть прекрасным украшением.

Е. Н. Хохлова остановилась и на сохранении народного традиционного искусства в быту русского населения — группы казаков-некрасовцев. Их предки — донские казаки, участники булавинского восстания в XVIII в., под предводительством Игната Некрасова бежали от царского гнета из России. Часть казаков поселилась в Румынии, другие — в Турции. Лишь в советское время потомки казаков вернулись на родину из Турции. На чужбине казаки бережно хранили язык, обычаи, весь традиционный уклад казачьего быта. Все, что напоминало родину, было дорого. Надо сказать, что некрасовцы привлекают внимание советских исследователей: этнографы, фольклористы, художники изучают их своеобразные обычаи, говор, быт.

Все выступавшие в прениях говорили об обилии собранного экспедициями материала и его художественной ценности. Выявленное в ряде местностей народное искусство может стать отправным материалом в работе художников, служить основой для связи современного и традиционного искусства. Участники сессии высказали пожелание, чтобы памятники народного искусства сохранялись. Необходимо собирать их в музеи на открытом воздухе, как это уже проводится в ряде районов СССР.

Г. С. Маслова (Институт этнографии АН СССР) отметила, что изучение народного искусства финно-угорского населения ведется Н. С. Королевой на очень большой территории (Северный и Средний Урал), и рекомендовала в дальнейшем направить исследование вглубь. С. К. Жегалова (Государственный исторический музей) подчеркнула важность углубленного изучения одного района и, как пример, привела работу экспедиции НИИХП в Карелии, где работа плодотворно ведется уже пятый год.

Внимание многих выступивших привлек интересный доклад И. П. Работиной, посвященный орнаменту северных вышивок. В. М. Василенко рекомендовал привлекать для сравнения обширные материалы: больше использовать находки археологов, в частности изделия ювелиров; могло иметь место и влияние раннего искусства славян (в текстиле). При исследовании необходим скрупулезный анализ аналогичных сюжетов ранних материалов, ибо, по словам В. М. Василенко, одна культура как бы передает эстафету другой. Он считает интересным также сопоставление орнаментальных мотивов вышивок с орнаментикой дерева. Г. С. Маслова, В. М. Василенко, С. К. Жегалова и другие подчеркивали связь орнамента с предметом, указывали на необходимость собирать подробные сведения об орнаменте, пытаться выяснить его семантику, выявлять оценку орнамента самим населением.

Г. С. Маслова высказала пожелание провести картографирование орнаментальных мотивов, что поможет выяснению их генезиса. Как пример, она указала на распространение в орнаменте многих народов мотива оленей по обеим сторонам дерева (прослеживается у карел, русских, марийцев, башкир, чувашей). О необходимости картографирования орнаментальных мотивов говорил и И. П. Лавров. Он предложил применять при изучении народного искусства математический и статистический методы. И. П. Лавров охарактеризовал новую науку — семиотику и ее роль в изучении народного искусства.

В выступлениях участников сессии подчеркивалась необходимость координации работы по изучению народного искусства между искусствоведами, этнографами, художниками, фольклористами и другими специалистами, а также необходимость более четкой координации работ между отдельными учреждениями, занимающимися исследованием народного искусства.

В связи с этим И. С. Гурвич (Институт этнографии АН СССР), отметив, что в Институте этнографии и в НИИХП накоплен большой и интересный материал по народам Севера и Дальнего Востока, предложил сообща подготовить этот материал к публикации.

Отчетная сессия показала серьезную исследовательскую работу, которую ведет коллектив научных работников НИИХП по изучению народного искусства и использованию его традиций в современных народных художественных промыслах.

* * *

К сессии в залах Музея были развернуты выставка материалов экспедиций 1964—1965 гг. и выставка «Прикладное искусство народов Сибири и Дальнего Востока», подготовленная НИИХП и Музеем народного искусства. Последняя функционировала около двух с половиной месяцев (с начала августа до середины октября 1965 г.).

Основная задача, стоящая перед организаторами выставки — показать современное состояние прикладного искусства у малых народов Сибири и Дальнего Востока (хантов, ненцев, эвенков, нганасанов, долган, эвенов, чукчей, эскимосов, нивхов, нанайцев, ульчей, удэгейцев, негидальцев). На выставке была представлена выполненная в самые последние годы одежда и обувь народов Севера, берестяная и деревянная утварь, изделия из кости, ковры.

а

б

Рис. 1. Женская долганская шуба работы М. Бархатовой. а — вид спереди; б — вид сзади *

Из одежды преобладала меховая, сшитая из оленьих шкур — продукта основной отрасли северного хозяйства — оленеводства. Она и сейчас благодаря суровому климату находит широкое применение, причем ее носят и живущие на Севере русские. Поражает многообразие форм и особенно украшений, придающих каждой вещи подлинную

* Все приведенные в статье фотографии выполнены Ю. А. Аргиропуло.

красоту и неповторимость; в них наглядно проявляются специфические вкусы и национальные традиции народа. Иганасанская верхняя одежда представлена белыми парками из оленьих шкур с опушкой из белого собачьего меха. Парки украшены меховой мозаикой, узкими полосками красной и черной ровдуги и черного сукна. Такие же, характерные для иганасан украшения имеет женский комбинезон из оленьих шкур. Экспонировался полный комплект традиционной эвенской женской одежды, изготовленный в 1965 г. в Магаданской области. В него входят: длинная шуба из коричневого меха, отделанная по подолу широкой полосой черного сукна, сплошь зашитой крупным фарфоровым бисером голубого, белого и черного цветов; нагрудник и шапочка из ровдуги; унты из ровдуги, традиционных покровов; все эти вещи также украшены фарфоровым

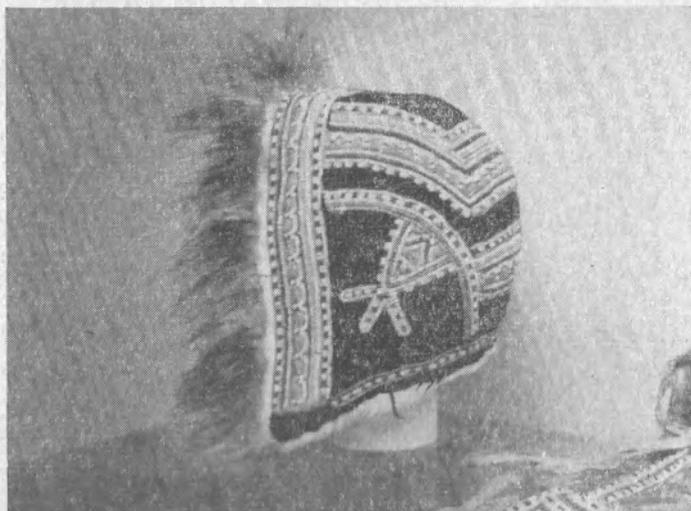

Рис. 2. Женская долганская шапка

бисером. О сохранении искусства шитья бисером среди эвенков и эвенов свидетельствуют и другие замечательные экспонаты. Особо следует отметить эвенкийский ровдужный нагрудник из Томской области; металлические подвески на нем работы эвенкийских кузнецов — подлинные ювелирные изделия.

О высоком развитии искусства аппликации свидетельствуют хантыйские и ненецкие тканевые халаты, долганские суконные и оленьи шубы. Мастерницы используют для аппликации весьма ограниченный набор материалов (например, для отделки шуб — черное сукно, узкие полоски — канты из разноцветной хлопчатобумажной ткани, хлопчатобумажные нитки для вышивки, очень немного цветной шерсти и металлических подвесок). Однако тонкий вкус, чувство цвета, использование орнамента традиционных форм позволяют им создавать подлинно художественные произведения. Особенно выделяются многочисленные работы долганской мастерицы М. Бархатовой, выполненные в 1964 г.

На выставке было представлено много меховых ковриков — эвенкийских, иганасанских, чукотских, эскимосских. Традиционная форма эвенкийских ковриков, определяемая материалом, сходна для всей Сибири, — варьируют лишь элементы отделки. Из иганасанских, изготавливаемых техникой меховой мозаики (сочетание белых и темных, коричневых и черных кусочков меха), особенно выделяется коврик, сделанный в 1962 г. Е. Д. Костеркиной. В нем старинная техника меховой мозаики сочетается с новым сюжетом: в центре коврика мастерица изобразила красками и вышивкой по ровдуге (вышивка сделана подшейным волосом оленя) движущуюся ракету на фоне земного шара. Надпись вышита красными нитками: «6/VIII-61 г.—6/VIII-62 г.— годовщина полета летчика-космонавта Г. С. Титова».

Оленеводческие народы в прошлом мало применяли ковры в своих передвижных жилищах. В постоянных домах русского типа, которые за последние годы широко распространились у этих народов, имеются настенные коврики. Оригинальны чукотские и эскимосские коврики: они изготавливаются из целой шкурки нерпы, на которую нашиваются 6—9 своеобразных «карманов» из крашеной нерпичьей кожи; каждый из таких «карманов» расшит узором, выполненным цветными нитками. Удовлетворяя вкусам приезжего населения (обычно эти коврики идут в продажу), мастерицы изображали здесь различные фантастические цветы (цветочный орнамент не является традиционным для народов Чукотки).

Помимо ковриков чукотское и эскимосское искусство представлено многочисленными мастеровыми изделиями. Среди них — гравированные клыки с изображением сцен из жизни народа, причем каждая деталь рисунка очень реалистична. Особенно хороши глиняная скульптура, полная динамики (сцены из жизни животных, сцены охоты), многочисленные предметы с барельефной резьбой.

Искусство народов Нижнего Амура — нанайцев, удэгейцев, негидальцев, ульчей, шихов — было представлено на выставке широко и многообразно: повседневные и праздничные орнаментированные женские халаты, рукавицы и перчатки с тончайшей вышивкой, обувь, берестяная и плетеная утварь традиционных форм. Очень красивы ковры с их четкой, продуманной композицией, характерными амурскими орнаментами.

а

б

Рис. 3. Женская долганская шуба. а — вид спереди; б — вид сзади

выполненными техникой аппликации (на однотонную ткань наносится орнамент, вырезанный из ткани иного цвета; различны способы — швы — прикрепления аппликаций к основе). В этих изделиях проявляются как старые, традиционные черты амурского искусства, так и совершенно новые.

Выставка пользовалась большой популярностью у москвичей и гостей столицы, однако число посетивших ее было бы гораздо больше, если бы рекламе уделялось должное внимание.

Отметим и другие недостатки. Нам кажется, что представленные на выставке вещиственные материалы значительно выиграли бы, если бы экспозиции были теснее связаны с жизнью народов. Этого можно было достигнуть, включив в экспозицию хорошие фотографии, иллюстрирующие бытование представленных здесь вещей, обстановку, с которой они связаны. Чересчур лаконичные надписи к экспонатам также не могли дополнить их. А между тем посетителям было бы интересно хотя бы из надписей узнать о некоторых замечательных мастерах из народов Севера, о сохранении ими традиций народного искусства и о том новом, что они вносят в свое творчество. Небезынтересно было бы узнать и о том, что среди чукотских мастеров-резчиков по кости появились талантливые художницы-женщины.

Выставка явилась ярким свидетельством действительно высокого уровня развития искусства народов Сибири и Дальнего Востока. Глубокие источники народного искусства не должны иссякнуть. Казалось бы, что в этом отношении не может быть места

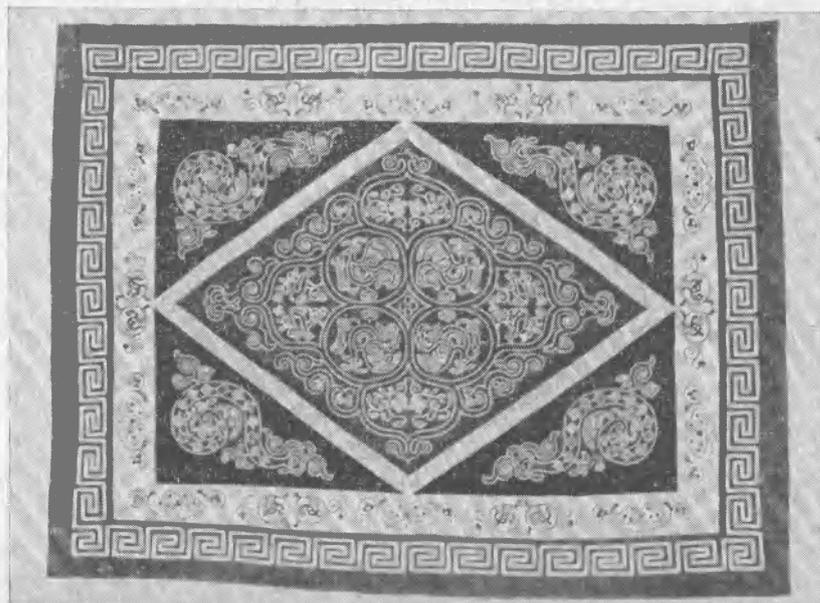

Рис. 4. Ульчский ковер

Рис. 5. Нганасанский ковер работы Е. Костеркиной

беспокойству, ибо на выставке представлены вещи, изготовленные главным образом в 1960-е годы. К сожалению, такое впечатление не совсем верно и основания для тревоги все-таки есть. Дело в том, что замечательные образцы народного творчества, которыми восхищались все посетители выставки, выполнены руками мастеров (главным образом мастериц) старше 50 лет. Традиции старинного искусства подрастающему поколению из народов Севера почти нигде не передаются, а ведь для того, чтобы искусство жило, преемственность должна быть правилом. В школах местные художе-

ственные традиции не изучаются: уже немногочисленные старые мастера (а ведь только они владеют традициями) к работе в школах для этой цели не привлекаются. Необходимость сохранения и дальнейшего развития традиционного искусства должна быть осознана не только органами народного образования, но и широкой общественностью. Совместная работа в этом направлении органов народного образования, общественных организаций, учреждений культуры может привести к нужным результатам.

В значительной мере у многих народностей Сибири и Дальнего Востока художественные традиции утрачиваются; это отчасти объясняется прекращением бытования многих предметов материальной культуры, с которыми были связаны украшения определенных видов. Большую работу провел Хабаровский Дом народного творчества

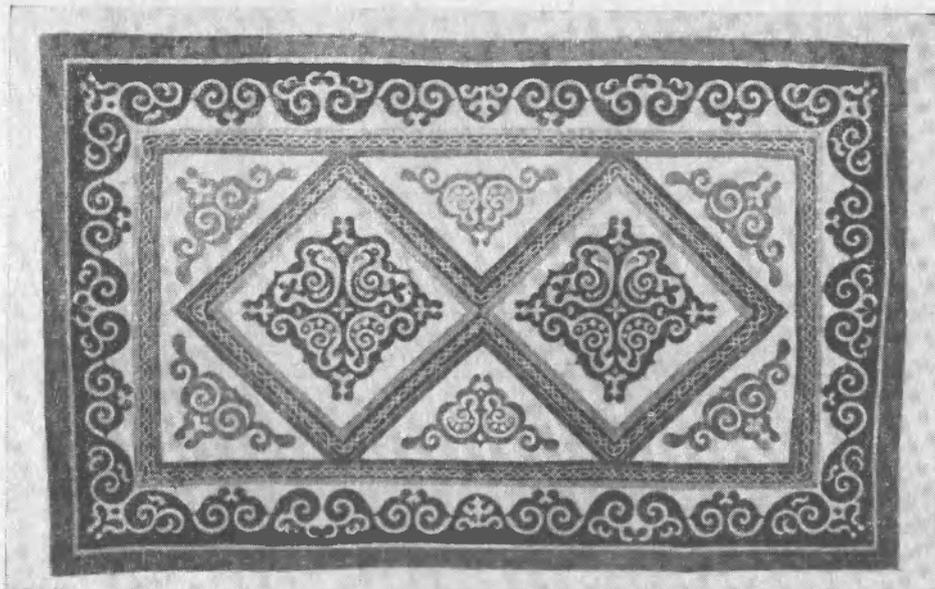

Рис. 6. Ульчский ковер (вышивка аппликацией)

среди нанайских мастериц, стараясь использовать в современных изделиях традиционные украшения. Красноярская художественная артель имеет определенные практические результаты в этом направлении (к сожалению, изделия этой артели не были представлены на выставке). Подобные примеры, однако, немногочисленны. Для того, чтобы искусство народов Севера не угасло, нужно, чтобы оно было связано с постоянным притоком свежих молодых сил. Этому способствовала бы организация при школах, клубах систематических занятий, на которых мастера народного искусства смогли бы передать свои знания и опыт молодежи. В школах, педагогических училищах нужно воспитывать у молодежи уважение к народным художественным традициям, воспитывать эстетический вкус. Отделы народного образования и культурно-просветительные учреждения могут в этом важнейшем деле оказать большую помощь.

А. А. Лебедева, А. В. Смоляк

**БЕНГТ ДАНИЕЛЬССОН
В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР**

26 октября 1965 г. Институт этнографии АН СССР в Москве по приглашению его дирекции посетили шведский этнограф доктор Бенгт Эммерик Даниельссон с супругой Марией-Терезой, а 27 и 28 октября они посетили Ленинградский филиал института и Музей антропологии и этнографии.

Даниельссон широко известен как писатель и путешественник, побывавший во многих местах земного шара — в Южной Америке, на островах Полинезии, в Австралии. Среди ученых его знают как кропотливого этнографа и социолога, исследующего семейный и общественный быт коренного населения архипелагов Океании.